

ДОКЛАДЫ И НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ХУ ШИ ОБ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ КАК ФИЛОСОФСКОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

В.А. Киселев

Кафедра истории философии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В старом Китае история мысли рассматривалась по преимуществу в рамках конфуцианских историософских концепций. При этом развитие теоретического мышления связывалось исключительно с «единственно подлинной» цивилизацией человечества — китайской. Возникновение первых теоретических конструктов, почерпнутых из наблюдений за природой и людьми, соотносилось с графическими схемами «Книги перемен» и ставилось в заслугу мифическому правителю Фуси, создателю китайской цивилизации. Фуси открыл эпоху «пяти императоров и трех государей», царствовавших в силу не наследственных прав, но неоспоримого нравственного и интеллектуального совершенства. Ей на смену пришла эпоха сменявшихся друг друга династийных циклов. Первые три такие цикла (правление последовательно сменявшихся друг друга династий Ся, Шан, Чжоу — с конца III тыс. до н.э. по III в. до н.э.) начинались с восхождения на трон «совершенномудрого» (*шэн*, 聖) правителя, который приводил социум в гармонию одним своим появлением на людях, и заканчивалась царствованием деспота или слабого государя, у которого божественное Небо отбирало «мандат» (*мин*, 命) на правление, переходивший к основателю другой династии. Зачинатели последующих династий к лику «совершенномудрых» уже не причислялись, но должны были ориентироваться на их заветы. Соответственно, философские «учения»-*сюэ* оценивались по степени соответствия этим заветам (истине-*дао*), представленным в конфуцианских канонах.

Становление представлений о философии как универсальном явлении закономерно привело и к поиску универсальных закономерностей в истории локальных форм этого феномена [Подробнее см.: 4; 5]. Представление о методологии такого поиска пришло в Китай благодаря Ху Ши.

Историю философии он рассматривал не столько как научную дисциплину, сколько в качестве упорядоченного изложения сведений об исторических проявлениях философского творчества. Объяснения по поводу того, как складывалась историко-философская традиция, выглядят весьма упрощенными, даже примитивными: «Мэн-цзы считал природу человека доброй; Гао-цзы считал ее не доброй, и не злой; Сюнь-цзы (1) — злой... Затем какой-то человек записал различные взгляды в хронологической последовательности, систематизировал по различным школам — так получилась история философии» [7. С. 9].

Однако этот процесс упорядочения и систематизации отнюдь непросто, он целенаправлен и подчинен прагматистской задаче «исследования». Ху Ши уделял большое внимание разработке методологических проблем истории философии. Свое понимание метода научного, в том числе историко-философского, исследования Ху Ши раскрыл в «Очерке истории китайской философии» (Т. 1), опубликованном в феврале 1919 г. в Шанхае, и ряде других работ [1; 2]. Цай Юаньпэй в предисловии к «Очерку» отмечал: «Обоснование метода... занимает почти треть всей книги, это не только показывает внимание к нему одного человека, но и открывает бесчисленные двери для последующих исследователей» [7. С. 1].

Попытки представить историю китайской философии в систематизированном виде, в свете универсалистских представлений о феномене философии, предпринимались и до знаменитого «Очерка» Ху Ши. Самым ранним специальным исследованием такого рода была изданная в 1916 г. в Шанхае, в издательстве Чжунхуа шуцзюй, «История китайской философии» литератора и историка Се Уляна (1884—1964) [3]. Следуя концепции идеолога анархизма Лю Шигэя (1884—1919), находившего «абсолютное сходство» (*ваньцзяоань сяньсы*, 完全相似) между древнекитайской и европейской философией, Се Улян отождествил естественные науки (*цзыжэань кэсюэ*, 自然科學) с традиционными китайскими оккультно-магическими практиками (*фаньшу*, 方術) и «искусствами/техниками» (*цзи*, 技), а философию-чжэсюэ — с китайским «искусством Дао» (*дао шу*, 道術), как исторически называли рационально постижимые методы применения знаний о законах природного и социального космосов. К философии он относил и конфуцианство, и даосизм, и буддизм, и неоконфуцианство, которые с философией как таковой «различаются по имени, но означают то же самое» (*и мин эр тун чжи*, 異名而同指). Квинтэссенцией китайской философии, ее «истинной школой» (*чжэн цзун*) он считал конфуцианство (*жуцзяо*, 儒教) [9].

Декларируя наличие философии в Китае издревле, Се Улян, тем не менее, никак не эксплицировал теоретически ее границы, функции и задачи. Историю китайской философии он рассматривал в традиционном ключе, начиная с древних «совершенномудрых» Яо, Шуня и Юя и заканчивая школами эпохи Цин. Текст работы, как отмечает современный китайский исследователь, отличало обилие пространных цитат из философских текстов при недостатке «разбора и критики» [8]. Об уровне аналитичности труда Се Уляна говорит уже тот факт, что западные метафизика, гносеология и этика, признаки которых он обнаруживал в китайской философии, по его мнению, качественно не отличаются от древних «шести

искусств» (лю и, 六藝) (2) и «девяти течений» (цзю лю, 九流) (3) в традиционной китайской науке [10]. По заключению современного китайского ученого, у Се Уляна «есть название „философия“, но нет самой философии» [6]. Как полагает другой исследователь, книга Се Уляна хотя и имеет историческое значение (уже постольку, поскольку является первой в Китае монографией о китайской философии), но по влиянию на науку и культуру Китая она не идет в сравнение с «Очерком» Ху Ши [11].

«Очерк истории китайской философии» Ху Ши стал первым произведением китайского ученого, в котором для отображения древнекитайской философии была использована западная научная методология (в данном случае в прагматистской трактовке). Во введении к «Очерку» Ху Ши предложил целую систему базовых требований и стандартов исследования китайской философии, отвечающих, по его мнению, принципу «научности» [7. С. 14—26].

Целями истории философии Ху Ши назвал «прояснение изменений» (*мин бянь*, 明變), «поиск причин [изменений и различий]» (*цю инь*, 求因) и их оценку (*пинпань*, 評判). Поясняя свои выкладки, он писал: «Первая задача истории философии — показать эволюцию мышления. Например, Мэн-цзы и Сюнь-цзы — конфуцианцы, их учения и отличны от учения Конфуция, и различаются между собой... Но цель истории философии еще и в том, чтобы найти причины этой эволюции, например узнать, почему философия братьев Чэн и Чжу Си отличается от философии Конфуция и Мэн-цзы» [7. С. 11].

Под «оценкой» он понимал не субъективную оценку идей древности с точки зрения достижений современности, в чем не видел пользы, а «объективное» выявление «всех достижений какой-либо конкретной теории. Ценность этих достижений и будет определять ценность теории» [7. С. 11]. Чтобы увидеть такого рода достижения, «необходимо определить влияние [соответствующей] теории на мировоззрение текущей и последующей эпох, выяснить ее влияние на нравы и политику, а также на формирование характера человека» [7. С. 12].

Таким образом, Ху Ши впервые представил Китаю общепринятые в западной науке критерии исторической значимости того или иного идейного явления или процесса. Особое методологическое значение, которое Ху Ши отводил принципу историзма, проявлялось, в частности, еще и в том, что в «Очерке...» он, начиная говорить о каком-либо философе, прежде подробно описывал синхронную историческую ситуацию, затрагивал учения предшествующих мыслителей, оказавших, по его мнению, влияние на данного философа, а также обязательно отслеживал последующее влияние его доктрин.

Ху Ши выделял два «типа истории философии», по сути, два пласта историко-философской науки, по степени широты предмета исследования: «общую историю» (например, это история китайской философии или история западной философии) и «специальную историю». Последнюю он, в свою очередь, разделял на четыре направления: изучающую определенный период; посвященную отдельному направлению или школе (*сюэпай*, 學派); занимающуюся философскими взглядами конкретного мыслителя; нацеленную на какой-либо один раздел фи-

лософии, например, историю логики. Каждое направление Ху Ши иллюстрировал примерами как из китайской, так и из западной философии. История определенного периода — «Греческая философия», «Учение минского конфуцианства»; история отдельного направления-школы — «История учения Чань», «История философии стоиков»; взгляды одного мыслителя — «Философия Ван Янмина», «Философия Канта». В подборе примеров прослеживается желание утвердить право китайской мысли именоваться философией и, более того, уравнять ее в статусе с западной философской традицией.

Предложенный Ху Ши принцип классификации научного знания по уровню общности понятий, обозначающих предмет знания, был общепринят на Западе, но в то время еще не успел стать привычным для китайских интеллектуалов (4).

Раскрывая сущность метода истории философии, Ху Ши рассматривал следующие аспекты, или факторы процесса исследования: материалы истории философии; проверка материалов; способ проверки материалов; способ упорядочения материалов. Эти аспекты соответствуют строго определенной последовательности исследовательского процесса: «Шаг первый — сбор материалов; шаг второй — проверка истинности материалов; шаг третий — отбрасывание недостоверных материалов; шаг четвертый — упорядочение достоверных материалов» [7. С. 26]. Таким образом, методология историко-философского исследования для Ху Ши сводилась главным образом к методам обработки источников, результатом чего должно стать адекватное описание исторических реалий.

Важность того этапа исследования, на котором осуществляется сбор историко-философских материалов, для достижения целей истории философии Ху Ши обосновывал целым рядом факторов, исходя главным образом из опыта китайской текстологической традиции. Так, в прошлом зачастую смешивали учения разных людей, приписывая их одному мыслителю; нередко апокрифические сочинения или подделки принимались за подлинные тексты; идеи мыслителей поздних эпох приписывали древним философам; отбрасывали непонятые идеи и концепции, не пытаясь вникнуть в их суть, и т.п. Для сбора материалов Ху Ши, разумеется, предлагал использовать «должные приемы и научный метод», под которыми он понимал кропотливое и педантичное выделение основных положений того или иного учения, выявление истоков и отслеживание эволюции различных философских течений [7. С. 14].

Иллюстрируя важность и сложность «научного» отбора историко-философских материалов, Ху Ши приводил конкретные примеры того, как в китайской традиции идеи одних мыслителей относились на счет других, а поздним сочинениям приписывалось древнее происхождение. Ху Ши с высоты обретенных на Западе научных познаний позволял себе едко насмехаться над наивностью средневековых текстологов: «Несть числа подобным смехотворным нелепостям» [7. С. 20]. Такая стилистика научной оценки, трудно представляемая в современной историко-философской литературе, была естественна для Китая того времени: традиционные версии происхождения памятников и идей, считавшихся классическими, были живым фактом общественного сознания и предметом острых идеологических споров.

Для последних была характерна и известная декларативность, рассчитанная более на поиск и мобилизацию единомышленников, нежели на добросовестное обоснование собственной точки зрения. В противоположность прокламируемому требованию «научности» зачастую не утруждал себя поиском доказательств и Ху Ши, просто объявляя те или иные факты и версии заслуживающими либо не заслуживающими доверия. При этом к числу «подделок» он относил весьма значительное число известных текстов. «Материалы истории философии», которые призваны служить предметом соответствующего исследования, т.е. источники, Ху Ши разделял на два типа: «оригинальные» (*юаньяо*, 原料) и «вспомогательные» (*фуляо*, 副料). Под «оригинальными», как можно понять из пояснений автора, он понимал «сочинения философов», т.е. собственно памятники. Также к оригинальным источникам китайской традиции Ху Ши относил исторические хроники, «которые сохранили множество теорий средневековья и Нового времени» [7. С. 16].

Что касается «вспомогательных материалов», то к ним Ху Ши относил все записи, истории, конспекты, каталоги и др. источники, так или иначе связанные с философией.

Особенности своего исследовательского почерка Ху Ши раскрыл также в предисловии к работе «Развитие логического метода в древнем Китае», изданной на английском языке в 1922 г. Во-первых, он считал необходимым преодолеть «требетное почитание традиции» и «взял за принцип ни принимать книгу, ни цитировать хотя бы пассажи из принятого труда без достаточных оснований», т.е. либо использовал только те источники, в аутентичности которых не было сомнений, либо, по крайней мере, «был особенно осторожен при выборе цитат» в тех случаях, когда использовал тексты, заведомо содержащие позднейшие интерполяции. Во-вторых, он признавал, что широко опирался на результаты текстуальной критики и филологических изысканий китайских ученых за два предыдущих столетия, и подчеркивал, что именно филологические исследования позволяют освободиться от субъективных предубеждений традиционных комментаторов и понять, что на самом деле имели в виду древние авторы [2. Р. I].

Подход к определению аутентичности текстов, которого он придерживался, Ху Ши сам именовал «повышенным критицизмом», распространяя его и на датировку древних памятников. Безоговорочно, хотя и без объяснений, как абсолютно достоверные он принимал только даты жизни Конфуция, в остальных случаях опираясь на некие «внутренние признаки», а также «свидетельства современников» [2. Р. II].

Своим преимуществом по сравнению с прежними комментаторами и критиками он считал возможность при изучении китайской философии опираться на штудии в области истории европейской философии, чему, как он писал, был обязан «многими плодотворными предположениями». По его мнению, «только тот, кто имел подобный опыт компаративных исследований — например, компаративной филологии», мог по достоинству оценить ценность западной философии для интерпретации древнекитайских «систем мысли» [2. Р. II]. Таким образом, Ху Ши стал первым китайским ученым, который не просто осознал научную ценность

и перспективность компаративных исследований, но и, по сути, указал на наличие универсальных закономерностей в развитии философского процесса, открываемых посредством именно компаративного подхода.

Другое дело, что видение им таких закономерностей было обусловлено философско-мировоззренческими установками, базой которых являлась философия инструментализма. Недалеко он отошел и от манеры поиска аналогий в разных философских традициях, которая была присуща предыдущим поколениям китайских интеллектуалов, когда сходства обнаруживались по внешним признакам, а их анализ еще не предусматривал поиска системных различий между схожими явлениями.

Основной упор он делал на таких закономерностях, как обусловленность философии ее «методом», а также зависимость развития философии от развития «логического метода». Красноречивый пример этой зависимости он видел в новой европейской философии, которая начиналась с «Рассуждения о методе» Р. Декарта и «Нового Органона» Ф. Бэкона.

В историко-философских штудиях в области китайской традиции Ху Ши усматривал и своего рода «прагматическую» функцию. По его мнению, они должны были способствовать развитию китайской философии, освобождая ее от «моралистических и рационалистических пут» конфуцианства. Этого освобождения он считал невозможным добиться исключительно привнесением в Китай западной философии. Необходимо также «вернуть конфуцианство на его собственное место», т.е. «восстановить его исторические основания» как всего лишь одной из школ, конкурировавших в древнем Китае. «Развенчание конфуцианства, таким образом, будет обеспечено тогда, когда оно будет признано не единственным источником духовного, морального и философского авторитета, но исключительно как одна из звезд в великой галактике философских светил» [2. Р. 8].

Другой аспект «прагматической» функции истории философии — содействие возрождению тех великих философских школ, которые «процветали бок о бок со школой Конфуция в древнем Китае». От этого, считал Ху Ши, будет в значительной степени зависеть будущее китайской философии. В неконфуцианских школах он рассчитывал найти «подходящую почву, на которую можно было бы пересадить лучшие создания западной философии и науки. Это особенно справедливо в отношении методологии» [2. Р. 8]. По его мнению, в этих школах можно найти «высокоразвитых предшественников» таких достижений западной философии, как «упор на опыт в противовес догматизму и рационализму, в высшей степени развитый научный метод во всех фазах операции, и исторический, или эволюционный, взгляд на истину и мораль» [2. Р. 9]. Китайские философы и студенты, изучающие философию, только тогда почувствуют себя «на ты» с новыми методами и инструментарием рассуждения и исследования, когда «философии древнего Китая будут реинтерпретированы в терминах современной философии, и когда современная философия будет интерпретирована в терминах исконных систем Китая».

Данная установка обусловила его преимущественный интерес к древнекитайским философским школам.

При этом в англоязычной работе, предназначенной для иностранцев, Ху Ши оговаривался, что он отнюдь не настаивает на приоритете Китая в отношении тех методов и теорий, которые считаются исключительно западными по происхождению. «Сам по себе приоритет в изобретении или открытии без постоянных усилий по улучшению и совершенствованию первоначальных незрелых образцов может быть только основанием для сожаления, но конечно же не для тщеславия» [2. Р. 9]. Своей интерес к «открытию заново логических торий и методов древнего Китая» он объяснял стремлением показать соотечественникам, что аналогичные западные методы «отнюдь не тотально чужды китайскому мышлению, но напротив, являются инструментами, посредством которых и в свете которых множество утерянных сокровищ китайской философии может быть восстановлено» [2. Р. 9].

Еще более важным он считал то обстоятельство, что с помощью его историко-философских штудий китайские студенты будут более готовы к критике китайских «предшествующих теорий и методов в свете более современных и завершенных и поймут, почему древнекитайские предшественники не сумели достичь тех великих результатов, которых достигли их современные двойники; увидеть, в частности, почему теории естественной и социальной эволюции не смогли добиться того революционного эффекта, который дарвиновская теория оказала на современную мысль» [2. Р. 11].

Ху Ши также выражал надежду, что его компаративные исследования помогут избежать «промахов, сопутствующих некритическому восприятию европейской философии, — таких как трата времени на преподавание по устаревшим учебникам формальной логики в китайских школах, или принятие политической теории Герберта Спенсера вместе с дарвиновской теорией эволюции» [2. Р. 12]. Тем самым он стремился предостеречь соотечественников от слепого преклонения перед западными теориями, которые не способны сами по себе сообщить китайской культуре импульс к действительно позитивным преобразованиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Мэн-цзы (Мэн Кэ, 372—289 до н.э.) — крупнейший из древних последователей Конфуция, создатель концепций «доброй» природы человека и концепции «правления на основе гуманности»; Гао-цзы — оппонент Мэн-цзы, отстаивавший идею нейтральности человеческой природы; Сюнь-цзы (Сюнь Куан, 313—238 до н.э.) — мыслитель-конфуцианец, предложивший концепцию «злой» природы человека.
- (2) «Шесть искусств» — ритуал, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, письмо, счет.
- (3) «Девять течений (школ)» — выделенные в «Хань шу» («Истории династии Хань», I в. н.э.) конфуцианство (*жуцзя*), даосизм (*даоцзя*), школа *инь-ян* (*иньянцизя*), легизм (*фацзя*), школа имен (*минцзя*), моизм (*моцзя*), школа дипломатов (*цзунхэнцзя*), школа эклектиков (*цзацзя*) и школа аграриев (*нун цзя*).
- (4) Классификаторы традиционных китайских библиографий выглядели крайне непривычно с точки зрения европейских канонов систематизации. О китайском классификационизме и принятых в его рамках критериях обобщения см.: Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука, 1993. С. 36—48.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Hu Shih*. Sinological Research at the Present Time. Peking: Leader Press, 1925.
- [2] *Hu Shih*. The Development of the Logical Method in Ancient China. Shanghai: The Oriental Book Co., 1922.
- [3] *Ван Синьчжун*. Эрши шици Чжунго далу Чэн-Чжу лисюэ яньцзю цзуншу (Общее изложение исследований об «учении о принципе» [братьев] Чэн и Чжу Си в материковом Китае XX в.) // Чжэсюэ дунтай. 2001. № 11.
- [4] *Киселев В.А., Юркевич А.Г.* Образ китайской философии в свете влияния прагматической философии Запада // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2006. № 3 (13). С. 80—87.
- [5] *Киселев В.А., Юркевич А.Г.* Становление современного понимания философии в Китае и творчество Ху Ши // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 146—156.
- [6] *Ху Цзюнь*. Бэйцзин дасюэ чжэсюэ си юй Чжунго сяньдай чжэсюэ — вэй цзинянь Бэйцзин дасюэ чжэсюэ си 90 чжоунянь сичин эр цзо (Философский факультет Пекинского университета и современная китайская философия: по поводу празднования 90-летия философского факультета Пекинского университета). URL: <http://www.phil.pku.edu.cn/news.php?newid=30000000442>.
- [7] *Ху Ши*. Чжунго чжэсюэ ши даган (Очерк истории китайской философии). Т. 1. Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1919.
- [8] *Чжан Жунь*. Лунь чунсе чжунго чжэсюэ ши (О написании заново истории китайской философии) // Чжунго шэхуэй кэсюэ (Вестник «Китайские социальные науки»). 2004. № 5.
- [9] *Чжан Ливэнь*. Эрши шици Чжунго жуцзяо дэ чжанькай (Развитие китайского конфуцианства в 20 веке) // Баоцзи вэньли сюэюань сюэбао (Вестник Литературного института Баоцзи). 2001. № 4.
- [10] Чжэн Цзядун. «Чжунго чжэсюэ» дэ «хэфа син» вэньти (Вопрос о «правомерности/легитимности» «китайской философии») // Цит. по: URL: <http://www.haoii.com/textView/hao5254.htm>.
- [11] *Ян Хайвэнь*. «Чунсе» Чжунго чжэсюэ ши жухэ кэнэн (Как можно «переписать заново» историю китайской философии) // Чжунго шэхуэй кэсюэюань юаньбао (Вестник Китайской академии общественных наук). 2004. № 3.

REFERENCE

- [1] *Hu Shih*. Sinological Research at the Present Time. Peking: Leader Press, 1925.
- [2] *Hu Shih*. The Development of the Logical Method in Ancient China. Shanghai: The Oriental Book Co., 1922.
- [3] *Van Sin'chzhu*. Jershi shiczi Chzhungo dalu Chjen-Chzhu lisjuje jan'czju czunshu (Obshhee izlozhenie issledovanij ob «uchenii o principe» [brat'ev] Chjen i Chzhu Si v materikovom Kitae HH v.) // Chzhjesjuje duntaj. 2001. № 11.
- [4] *Kiselev V.A., Jurkevich A.G.* Obraz kitajskoj filosofii v svete vlijanija pragmaticheskoj filosofii Zapada // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija «Filosofija». 2006. № 3 (13). S. 80—87.
- [5] *Kiselev V.A., Jurkevich A.G.* Stanovlenie sovremennogo ponimanija filosofii v Kitae i tvorchestvo Hu Shi // Problemy Dal'nego Vostoka. 2006. № 5. S. 146—156.
- [6] *Hu Czjun'*. Bjejczin dasjuje chzhjesjuje si juj Chzhungo sjan'daj chzhjesjuje — vjej czinjan' Bjejczin dasjuje chzhjesjuje si 90 chzhounjan' sicin jer czo (Filosofskij fakul'tet Pekinskogo universiteta i sovremennaja kitajskaja filosofija: po povodu prazdnovanija 90-letija filosofskogo fakul'teta Pekinskogo universiteta). URL: <http://www.phil.pku.edu.cn/news.php?newid=30000000442>.

- [7] Hu Shi. Chzhungo chzhjesjuje shi dagan (Ocherk istorii kitajskoj filosofii). T. 1. Shanhaj: Shan#u in'shuguan', 1919.
- [8] Chzhan Zhulun'. Lun' chunse chzhungo chzhjesjuje shi (O napisanii zanovo istorii kitajskoj filosofii) // Chzhungo shjehujej kjesjuje (Vestnik «Kitajskie social'nye nauki»). 2004. № 5.
- [9] Chzhan Livjen'. Jershi shiczi Chzhungo zhuczjao dje chzhan'kaj (Razvitie kitajskogo konfucianstva v 20 veke) // Baoczi vjen'li sjujejuan' sjujebao (Vestnik Literaturnogo instituta Baoczi). 2001. № 4.
- [10] Chzhjen Czjadun. «Chzhungo chzhjesjuje» dje «hjefa sin» vjen'ti (Vopros o «pravomernosti/legitimnosti» «kitajskoj filosofii») // Cit. po: URL: <http://www.haoii.com/textView/hao5254.htm>
- [11] Jan Hajvjen'. «Chunse» Chzhungo chzhjesjuje shi zhuhje kjenjen (Kak možno «perepisat' zanovo» istoriju kitajskoj filosofii) // Chzhungo shehujej kjesjujejuan' juan'bao (Vestnik Kitajskoj akademii obshhestvennyh nauk). 2004. № 3.

HU SHIH ABOUT HISTORY OF PHILOSOPHY AS PHILOSOPHICAL DISCIPLINE

V.A. Kiselev

History of Philosophy Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10a, Moscow, Russia, 117198